

Глава 5. Первые успехи

—

Цзян Байлянь был несколько раздосадован: от утреннего прекрасного настроения не осталось и следа.

Он пробыл на горе до полудня. Найдя подходящий камень, присел перекусить лепешкой. В горах было сыро и зябко: после пары часов блужданий по зарослям его штаны и матерчатые туфли насквозь промокли. Пока он двигался, холод не ощущался, но, заглянув в корзину, он увидел лишь несколько корешков кудзу и атрактилодеса – улов был разочаровывающим.

После выходки Лю У у Байляня пропало всякое желание искать травы. Уныло дожевывая сухую лепешку, он решил пораньше спуститься вниз.

Ему нужно было серьезно поговорить с отцом и решить, как объясниться с семьей Лю.

Когда он вернулся в маленький дворик, там было необычайно оживленно. Отец уже вернулся, а вместе с ним во дворе была та самая жена мясника Циня, которая утром звала его на помощь.

— Лянь гер просто молодец! Сразу видно – рука мастера Цзяна. Теперь он сможет помогать вам с вызовами. И вам, господин лекарь, облегчение, и всей нашей деревне – благодать!

— Ну что вы, госпожа Цинь... Этот негодник пошел лечить, даже не спросив меня. Хорошо еще, что беды не натворил, а то погубил бы вашего Эрню.

Несмотря на эти слова, Байлянь еще из-за калитки услышал довольный смех своего отца.

Когда юноша вошел во двор, разговор прервался. Тетушка Цинь, увидев его, расплылась в улыбке и поспешила навстречу:

— Лянь гер, спасибо тебе огромное! Сделали всё по твоему слову, и не прошло и нескольких часов, как наш Эрню снова заскакал как живой. Сегодня днём уже не усидел дома – поехал с отцом в соседнюю деревню свиней закупать.

— Главное, что с ребенком всё в порядке. Я лишь исполнил свой долг.

Жена мясника еще долго трясла Байляня за руки, изливая благодарности. Напоследок она оставила внушительный кусок свинины – и в качестве подношения, и как плату за вызов. В деревнях люди предпочитали благодарить натурой.

Когда гостя ушла, Цзян Цзычунь, поглаживая бородку, строго посмотрел на сына:

— Смелости тебе не занимать, я погляжу.

Байлянь понимал, что отец просто боялся ошибки или неверного диагноза, поэтому не обиделся. Он подробно описал состояние пульса ребенка и назначенные средства. Выслушав, Цзян Цзычунь рассмеялся.

— Ты всё сделал правильно. Раньше ты был у меня только на подхвате, видимо, я недооценивал твой талант. — Он не преминул похвалить и себя: — Впрочем, кровь семьи Цзян не может быть плохой.

Байлянь улыбнулся. На самом деле таланта у него было немного – просто трудолюбие

восполняло недостатки.

Раньше он не знал грамоты и мог лишь помогать отцу сушить травы да растирать порошки. Он не понимал ни слова в рецептах. Он умел прощупать пульс, но мог лишь продиктовать рецепт на словах, а записать — нет. Просить кого-то записывать за него было неудобно, ведь он не был знаменитым врачом и не имел своего помощника. А потом его в паланкине увезли в поместье семьи Нин, и шансов попрактиковаться самостоятельно больше не выпадало.

Отец его был грамотным, но из-за постоянной занятости и необходимости кормить семью у него просто не оставалось времени учить сына грамоте.

Грамоте Байлянь научился уже позже, по воле случая, оказавшись в поместье Нин.

В той семье ученых даже старшие горничные и няньки умели читать, а некоторые и вовсе разбирались в поэзии. Его безграмотность не раз становилась поводом для насмешек и пренебрежения. Семья Нин придавала огромное значение образованию: в поместье была частная школа для младших детей клана, куда позволяли ходить и девочкам, и герам.

В этом и заключалось преимущество богатых домов.

В те времена Байляню было совершенно нечем заняться. Школа находилась неподалеку от его дворика, за невысокой стеной, и он день за днем тайно слушал уроки. Поскольку там обучали детей с самых азов, он, будучи абсолютно неграмотным, как раз поспевал за программой. Учителя в семье Нин были первоклассными – за пределами поместья за такие уроки платили огромные деньги. Так он действительно выучился читать и писать, наблюдая за тем, как растут дети в школе, сдают экзамены и получают титулы...

Если бы не это занятие, он бы давно зачах в четырех стенах того двора.

Позже, когда он освоил грамоту, а в школу пришло новое поколение детей, он перестал подслушивать и начал сам читать в своей комнате медицинские трактаты, исторические хроники и статьи... В поместье Нин подобных книг было в избытке – достать их было так же просто, как выдернуть кочан капусты на огороде.

Слуги не удивлялись тому, что он собирает книги по медицине – думали, он делает это для отца. Старая госпожа даже похвалила его за сыновнюю почтительность, поэтому никто не препятствовал.

А вот его интерес к поэзии и истории вызывал у всех недоумение. Люди не знали, что он умеет читать, и думали, что он просто хранит книги Нин Муяня, чтобы унимать тоску по нему. Над этим немало посмеивались.

Имея такое утешение, он не обращал внимания на колкости. В глазах праздных богачей он и так был посмешищем, что бы он ни делал. Сначала он стыдился, но со временем привык. В конце концов, он был сыном крестьянина, привыкшим к грубому окружению; кожа у него была куда толще, чем у изнеженных аристократов с золотыми ложками во рту. Дух его был крепче, поэтому, когда семья Нин разорилась, он, в отличие от многих в поместье, не полез в петлю и не стал глотать золото.

Пройдя через холод и невзгоды, он наконец нашел применение своим знаниям. Байлянь радостно потер руки:

— Папа, значит, теперь я смогу ходить с тобой к больным?

— Раз у тебя есть желание учиться, я с радостью научу всему, что знаю. Даже если не будешь лечить других, такое умение поможет тебе самому позаботиться о себе.

Байлянь был с этим полностью согласен.

На радостях он вспомнил о важном деле, и его личико снова помрачнело:

— Папа, я сегодня на горе встретил Лю У. Кажется, возникло недоразумение...

Он вкратце пересказал историю, стараясь максимально смягчить грубые слова Лю У. Но отец всё равно нахмурился.

— Как же так! Я лишь назвал господину Лю твой возраст, больше ничего не обещал. С чего он взял, что ты уже просватан за него? То, что он подошел к тебе... Если бы дело кончилось свадьбой – ладно, но если нет, что подумают односельчане? Это со стороны семьи Лю неправильно. Завтра же пойду и дам им отказ, чтобы не плодить слухи.

Байлянь с облегчением выдохнул:

— Тогда я пойду с тобой.

— Нет, в такие дела тебе вмешиваться не стоит. Я сам всё улажу.

Цзян Цзычунь, заложив руки за спину, походил по комнате, но так и не смог успокоиться.

Байлянь мыл овощи на кухне. Оглянувшись, он увидел, что отец снова уходит – видимо, решил не откладывать и направился к дому семьи Лю. Беспокоясь за него, Байлянь вытер руки, снял фартук и потихоньку последовал за ним.

Семья Лю была одной из самых многочисленных и влиятельных в деревне. У них было много земли, скота и леса, а их дом с белыми стенами и черепичной крышей напоминал городские усадьбы. С ними считался даже староста.

Байлянь издали наблюдал, как работник семьи Лю открыл калитку. Выслушав Цзян Цзычуна, который просил позвать господина Лю, работник не пустил его внутрь. Он перекинулся с ним парой слов через порог, сказал, что хозяина нет дома, он ушел в усадьбу в восточной части деревни и неизвестно когда вернется.

Байлянь подумал было, что поход оказался напрасным, как вдруг из-за дома показались двое: сам землевладелец Лю Цзинь и его сын Лю У.

Цзян Цзычунь улыбнулся:

— Какая удача! А я уж думал, не застану вас, господин Лю.

Лю Цзинь шел, заложив руки за спину. Хоть он и был богатым землевладельцем, он постоянно бывал на полях. Его жизнь была куда лучше, чем у простых крестьян, но он не походил на изнеженных городских богачей. Лицо его сильно обгорело на солнце, и никакая нарядная одежда не могла скрыть его деревенскую натуру. Сейчас он выглядел крайне недовольным, и лицо его казалось еще чернее обычного.

Увидев Цзян Цзычуна, он лишь мельком взглянул на него и без всякой приветливости буркнул:

— В доме больных нет, врач не нужен. Иди отсюда.

— Господин Лю, я пришел поговорить о нашем Лянь гере.

Лю Цзинь решил, что лекарь принес дату рождения сына, чтобы договориться о браке. Но сейчас ему было совершенно не до того.

— Пошел прочь! Что бы там ни было, приходи завтра. У меня сегодня нет времени!

С этими словами Лю Цзинь бесцеремонно оттолкнул Цзян Цзычуня и скрылся в воротах. Лю У последовал за отцом, а работник преградил лекарю путь.

Видя, как его отца выставили за дверь и едва не сбили с ног, Байлянь почувствовал острую обиду. Семья Лю была заносчивее иных столичных аристократов! Он уже хотел выскочить вперед, но тут подошел один из односельчан.

— Лекарь Цзян, как хорошо, что я вас встретил! Снадобье, что вы давали моему старику в прошлый раз, кончилось. Можно взять еще? Я как раз к вам собирался.

Цзян Цзычунь мгновенно подавил гнев и обиду, ответив мягко:

— Да, как раз пришло время обновить лекарство. Но у меня сейчас дела, давайте я занесу его вам чуть позже?

— Да что вы, господин лекарь, я подожду, мне не к спеху.

Цзян Цзычунь хотел было еще раз постучать в ворота поместья семьи Лю, но работник остановил его:

— Господин Цзян, уходите. Сами видели - хозяин не в духе.

Лекарь вздохнул и повернулся к соседу:

— Пойдемте, выдам вам лекарство.

Уходя, сосед покосился на дом семьи Лю и пробормотал:

— Эти Лю... когда им что-то нужно, они такие вежливые, а в обычное время - нос воротят.

Цзян Цзычунь ничего не ответил, лишь грустно улыбнулся.

Байлянь так и не вышел из своего укрытия. Раз сегодня поговорить не удалось, придется прийти завтра. Но такое отношение семьи Лю его глубоко ранило. Он ведь не набивался к ним в родственники, за что так обходиться с его отцом?

Когда отец с соседом скрылись из виду, Байлянь собрался уходить, но тут ворота поместья Лю снова открылись. Оттуда, громко ругаясь, вышла женщина.

— То, что знатные люди из усадьбы не желают знаться с деревенщиной - неудивительно! Сам полез к ним подлизываться, а когда выставили за дверь - на мне зло срывает! Тоже мне мужчина... Всё, ухожу к матери!

Байлянь прислушался. Женщина была уже немолода, но причитала в голос, даже не прикрывая лица - явно хотела, чтобы вся деревня знала, как плохо с ней обращаются в доме семьи Лю.

Это была законная жена Лю Цзиня. В деревне ее считали завистливой и ревнивой – она постоянно скандалила из-за того, что у господина Лю было несколько наложниц.

Из ее причитаний Байлянь понял, почему отец и сын Лю вернулись такими злыми. Оказывается, им самим указали на дверь в «большом доме», и они решили сорвать злость на первом встречном.

Байлянь посмотрел на восток. Там, на равнине, виднелся комплекс зданий, куда более просторных и красивых, чем дом семьи Лю. Это была усадьба, построенная городскими богачами.

Такие усадьбы часто встречались в сельской местности: знатные семьи строили их, чтобы удобнее было управлять землями, урожаем и скотом. Там постоянно жили управляющие и трудились наемные рабочие.

Хоть усадьба и находилась в их деревне, управляющие редко общались с местными. Слуги богатых домов не считали простых крестьян ровней себе. А вот деревенские землевладельцы из кожи вон лезли, чтобы завести знакомство – ведь через управляющего можно было выйти на самого владельца усадьбы.

Байлянь знал об этой усадьбе, но никогда не интересовался, кто её хозяин. Судя по словам жены Лю, приехал кто-то знатный... Неужели сам владелец?

Он шел домой, размышляя об этом, но потом тряхнул головой. Какое ему дело до хозяина усадьбы? Те люди никогда не приглашали его отца лечить их, так что никакой выгоды от их приезда не предвиделось.

Байлянь шел, погруженный в свои мысли, когда за его спиной внезапно раздался чистый и благородный голос:

— Цзян Байлянь.

—

<http://bllate.org/book/15039/1332975>